

Л 2005

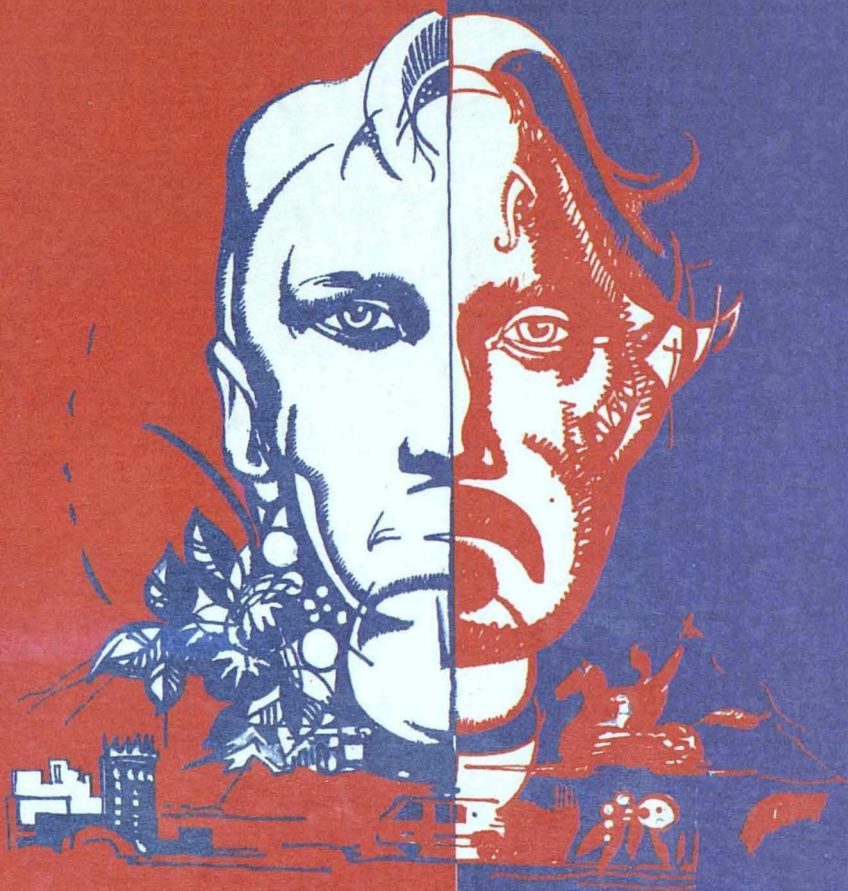
584к2

Анатолий ГУРСКИЙ

Уставшая

ЮНОСТЬ,

прости...

Анатолий ГУРСКИЙ

Уставшая
ЮНОСТЬ,
прости...

Повесть-хроника поколения

“Елорда”
Астана – 2004

821(574)-3

ББК 84Р7-44

Г 956

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ, ИНФОРМАЦИИ И СПОРТА

Гурский А.С.,

Г 95 "Уставшая юность, прости" (*Повесть-хроника поколения*).

Астана, "Елорда", 2004 - 240 с.

ISBN 9965-06-376-1

Предлагаемая вниманию читателей широко иллюстрированная книга представляет собой разбитую на отдельные сюжеты художественную повесть о недавнем прошлом нашей истории. О юности уходящего поколения казахстанцев, на долю которых выпали первые советские депортации, уже забываемые учебными программами и народной памятью репрессии и тяготы послевоенного времени. Через судьбы главного героя этой книги и многих окружающих его людей показывается, с какими физическими, материальными и духовными издержками, обыденными радостями для простого человека закладывалась основа нашей сегодняшней суверенной страны. Книга рассчитана на массового читателя.

Г $\frac{4702010201-313}{00(05)-04}$

ББК 84Р7-44

ISBN 9965-06-376-1

© Гурский А.С., 2004
© "Елорда", 2004

Уходящему поколению познавших первые советские депортации, репрессии и целинный призыв – поколению, которое зайчишкой металось в поисках истины, воробушком мучилось от холодной птицы и солнечно радовалось малейшим росткам новых перемен, эти списанные с его жизни строки ПОСВЯЩАЮТСЯ.

Глава 1. ВРАЧЕБНАЯ КОРРЕКТИРОВКА

Этот очень вяло ожидаемый стук в дверь гостиничного номера оказался для Степнова подобным выстрелу, который особенно сильно шокирует человека в момент его глубочайших раздумий о наиболее сокровенном. Так случилось и теперь. По-мальчишески размечтавшись о предстоящих днях своего пребывания в еще недавно родном и самом крупном казахстанском городе, Аркадий Степанович поначалу лишь слегка вздрогнул. Стук повторился, еще более настойчивый. Он недовольно встал с отелевской кровати, машинально глянул в окно, за которым уже взбиралось на вершину величавого горного хребта южное солнце, запахло махрово-желтый халат и пошлепал к двери. Открыл – и чуть не обомлел.

– Это у вас гипертонический криз? – не скрывая некоторого удивления, спросил один из четверых незнакомцев в белых халатах.

– Да... Хотя... Ну, разве... – почти бессвязно начал бормотать слегка дрожащим голосом Степнов. И молниеносно подумал: "Врача-то ребята действительно вызывали, но вот целую бригаду"... "Едри твою мать" – характерно чертыхнулся он про себя и стал нервно пересбирать пальцы своих больших испытанных немало житейских тягот рук...

– Понимаю, здесь что-то не то, да и выглядите еще не очень..., – угадал его сомнения рыжебородый коротыш. – Но ваши коллеги именно так и сказали: давление кризовое, 190. Вот я и привез всю реанимационную бригаду.

– Простите великодушно, да нужно ли? – застенчиво поглаживая кончиками пальцев свою большую родинку на высоком лбу, отреагировал Аркадий Степанович.

– Головокружение, тошнота, мерцание в глазах есть?

– Да вроде бы Бог миловал, – испуганно ответил хозяин номера. И при этом подумал: "А сейчас это проклятое давление возьмет и подпрыгнет еще выше, как по обыкновению бывает у меня уже при самом виде белых халатов"...

– Ну-ка, батенька, в постель, – прервал его догадки энергичный доктор и бросил взгляд на прикроватную тумбочку, на которой привлекал внимание портативный японский тонометр. Быстро замерил давление своим стареньким аппаратом, вынул из ушей трубочки фонендоскопа и отошел к мягко освещенному солнцем окну комнаты. Немного помолчал, затем, резко повернувшись, спросил:

– А сколько раз вы этой закордонной игрушкой сегодня пользовались?

– Да много, – настороженно улыбнулся Степнов. – После каждого звонка своих домашних "врачей"...

– Ну и что показывало?

– С возрастающей тенденцией – 140, 150, 165, 180. А за час до вашего приезда выдавило почему-то аж 190.

– Ничего страшного. Сделайте ему двусложный укол, – распорядился доктор и, пока медсестры стали готовить ампулы, хитровато глянул на взбодрившегося Степнова: – Чувствуется, вы человек волевой, твор-

ческий. А такие как раз и могут нагонять себе давление сами, чисто эмоционально. Замерили – показалось высоким. От сознания этого надпочечники выбросили в кровь порцию адреналина. Он вызвал страх, сузил сосуды, поднял это давление еще выше. Затем очередное выделение, и все повторилось по искусственно созданному замкнутому кругу. И разорвать его может только сам же виновник–человек...

– Как это, с помощью волшебной палочки? – попытался пошутить командированный.

– Если этой "палочкой" назвать вашу японскую игрушку, то как раз вот именно без ее помощи, господин руководящий пациент, – постарался вписаться в шутивную форму разговора все тот же доктор. Затем уже серьезно добавил: – Ко мне лет десять ходили два гипертоника. Наблюдал я за ними, наблюдал. В итоге пришел к выводу, что причиной их прыгающего кровяного давления являются как раз такие же портативные тонометры. Посоветовал категорично от них отказаться. И вот уже несколько лет встречаюсь с ними как вполне со здоровыми людьми... Так что советую вам немедленно последовать их примеру тоже, а больше заняться нервной системой – прогулки, водные процедуры, успокоительные настойки на ночь...

Врач защелкнул свой потертый в частых выездах "скорой" баул, крепко пожал разгоряченную от возрожденной уверенности руку Степнова и скрылся в сопровождении бело-халатных помощниц. Аркадий Степанович молчаливо подошел к окну, за коим во всей своей красе представился только что отреставрированный оперный театр, и на мгновение задумался. Почему же люди не молодеют подобно таким вот театрам?! Откосметировали тебя, отреставрировали по современным технологиям -- и расцветай себе по-новому, радуя душу и глаз человечества. Ан нет... Довольствуйся лишь какими-то мерзкими успокоительными, усыпляя постепенно свой мозг и разбушевавшуюся с годами жажду к жизни в целом...

В этих раздумьях, подобных вспеленавшей самолет серой облачности, он и прилетел в новый столичный град. Столь же мысленно "отгороженным" от действительности доехал на служебной машине до дома, вошел в квартиру и здесь только очнулся. "Что же это я, охладом"

деревенский, про цветы-то своей Звездочке забыл!" – с огорчением вспомнил о давнишней традиции привозить жене из командировки букетик ее любимых белых хризантем. Виновато остановился с этим упреком у двери, но возвращаться уже не стал...

– Что с тобой? – озабоченно шагнула ему навстречу энергичная очаровашка Лина Ивановна. – На тебе ведь, как будто, чужое лицо.

– Нормально, – снимая рыжесватую дубленку, с присутствием ему уверенностью выпалил Степнов. Подошел к зеркалу, поправил уже пропахшую дорогой кудрявую прическу русых волос над открыто-голубыми глазами и уставшим голосом добавил: – Все, Звездочка. Забери свою игрушку-мерило и больше не подсовывай мне никаких пилюль... Не накладываю эмбарго только на спотворные, едри их мать...

– Вот, Аркаша, все по твоей инструкции, – подала ему на ночь больше полстакана какого-то коричневатого "пойла" разулыбавшаяся во всю свою черноголовую красу супруга. – Будешь спать, как младенец.

– Что это со мной? – только и успел спросить минут через десять он и словно вновь попал в ту же плотнодымчатую облачность, в которой еще недавно побывал его самолет. Только теперь в глазах все сначала поплыло, а потом быстро закружилось подобно большущему барабану "Поля чудес". А на барабане этом достаточно отчетливо замелькали одна за другой какие-то разноцветные картинки из жизни. Толи только из жизни его, толи и всего поколения ровесников последней войны, других не самых счастливых годин многострадальной страны...

Глава 2. ВСКРИК НА МЕЖЕ ОГОРОДНОЙ

Анастасия Валерьяновна почувствовала себя неважно еще с вечера, едва управилась в постоянно ухоженном маленьком хлеву, что примостился к задней стенке столь же приземистой саманной мазанки. Посидела чуток, когда ребятня засопела на своей "комуналке" — широкой кровати с соломенным матрацем, выпила алюминиевую кружку приторно-черного фруктового чая вприкуску с пожелтевшим запасцем кускового сахара и постепенно ощутила некоторое облегчение. А к двенадцати ночи притарахтел на своем деревянном коробе, запряженном парой гнедых, уже заметно подуставший за день Степан.

— Давай, Настенька, чаво-нябудь похлябать, да опяйти в поле надоть. Другие-то на волах семена возют. Потому на меня и вся надежа, к утру запасец сеялкам требуца. Погодка-то вон кака красная...

– Погодь, Степушка, – перебила его жена. – Я тут об другом дожна сказать.

Он посмотрел на нее дежурным взглядом, вылил из миски в самодельно соструганную ложку последнюю порцию гороховой похлебки и так же устало пробормотал:

– Ну, шта тамо ешшо?

И не дожидаясь ответа, отодвинул от себя столовский инструментарий, смел в большую, как сама миска, ладонь хлебные крошки, привычно закинул их в рот и начал, уже было, вставать из-за стола.

– Да ты только не горячися, Степан Акимыч, – с официальной строгостью, чтобы привлечь его рассеянное внимание, начала осторожно она. – Что-то похудело мене, тошнота появилась, галава пабаливаеть, на огуречики солоненькие все больше тянеть... Видать забрюхатилася я, да и дюже уж крепко...

– Не дури-и-и, – почти пропел, испуганно моргая маленькими голубоватыми глазенками Степан. – У нас их с тобой и так побольшее наркомовской пайки буде, аж цельных трое. Так шта, слышь, не дуркуй!

– Ну, надурковали мы с тобою где-то ужо с полгодка ранше, – спокойно, почти вполголоса произнесла мать. – Теперича в аккурат только пеленки собирати...

– Ты тошно с ума сосклизнула! – уже повысил голос вскочивший из-за стола хозяин. – Из артели же выкинуть... и по миру в одних подштанцах пойдемо.

Анастасия почувствовала, как холодный пот студенной водицей коснулся ее маленького лба, прикрытого челкой смолистых волос. Затем он скатился на плечи, прошелся по спине и небывалой ранше оторопью охватил все ее тело. От этого мужнины слова показались ей еще холоднее, а суть их – более зримой, почти осязаемой. Она мысленно, но всем своим существом вернулась в тот страшный для ее и сотен других семей день под историческим названием "депортация". Вспомнила зареванные лица провожавших их хуторян, ночной аромат украинских садов, товарные вагоны, лошадиные и бычьи повозки, эту бескрайне-забытую Богом степь и впервые здесь услышанные столь нечеловеческие наставления коменданта-самодура:

– От вас теперь требуется лишь одно – работать, осваивать этот суровый степной край. И никаких дето-

рождений, выездов за пределы данной точки. Все это только с дозволения нашего уполномоченного. Малейшее нарушение – тюрьма...

Все это восстановленное в памяти прибавило Анастасии страха больше, чем сама уже мученически и морозно прожитая здесь пятилетка. И она на минуту призадумалась, а по щекам невольно покатались теплые бусинки соленых слез. Помолчала, потом резко утерла их рукой и твердо произнесла:

– Все, Степан, поз-з-зно рядить!

– Да ты шта!.. Вон сказывают, в соседнем ауле живет одна добра бабка–повитуха... Вроде как Зайгулей зовут...

–Я ж сказала тебе: по-о-оз-з-зно ужо, – зарыдала она, судорожно вздрагивая худенькими плечами. – И живую кровинку убивати никому не дам! Даже тебе, няпутевый мужик...

Ее оборвал шумно распахнувший дверь человек в черном галифе и зеленом сталинского покроя кителе. В таком должно было ходить на службу всем тогдашним чиновникам. А Ардак, которого здесь для простейшего выговора прозвали просто Аркадием, выделялся среди других и тем, что во всей округе с переселенцами работали в роли руководителей только русские, а в этом самом отдаленном от жизни поселении назначили бригадиром его. Сдал заведование овцефермой соседнего аула и приехал сюда "пасти" заселивших его родную степь "врагов народа". Потому и ходит регулярно по дворам, изучает дыхание каждого из их обитателей.

Войдя в избу, он неторопливо закрыл за собой скрипучую дверь, кашлянул "дуплетом" и первым делом уперся взглядом в сидящую у печки с опущенной головой Анастасию. Присмотрелся к ее еще всхлипывающему облику и неловко переступил с ноги на ногу.

– Э-э-э, – забасил он. – Ти чаво плач? Степнов, в чем дела, а? Горе, беда какой-то...

– Да рожать она собралась, вор-р-рона такая! – не выдержал бригадирского "допроса" глава семьи.

– Ой, ба-а-ай!.. – расширил свои болезненно заплывшие глаза слегка смущенный такой новостью Ардак–Аркадий. – Вам болше, айыналайын, жок дети... Норма.

– Повешуся вместе с дитем, но убивати иво не дам! – затрясла своими побледневшими кулачками Анастасия. – Гавару как перед Богом...

В приземистой квадратной комнатухе воцарилась такая тишина, что послышалось даже шуршание пробежавшего по глиноземному полу тараканчика. Он боязливо потыкался в первые попавшиеся на его пути щелочки и, наконец, найдя одну из них, беспрепятственно решил свою проблему. У оставшихся же в этой комнате людей ситуация оказалась куда труднее.

– Ты это прось! – испуганно отреагировал на заявление женщины бригадир.

– Да поймите же вы, глухари бессердешны, – злобно вскинула голову Анастасия, – позно ужо чистицца-то, по-о-о-зно!

–Зашем же тогда твой шистка? – вскипел Ардак. – Грех его, рожат нада...

– А потом ты же нас и помогешь выгнать из артсли, – начал опять твердить своё вконец удрученный Степан. – Так же, Аркаша? Так, человек добрый, И ничаво другово на ентот счет не попишешь.

Бригадир задумчиво почесал свой заросший черными кудрями затылок, сплюнул остававшуюся за нижней мясистой губой часть насвая и хлопнул ладонями по коленям:

–Не попиш-не попиш... Вот и попиш! Настя твой – баб крепкий. Дам ему менин апашка сараппан, и пускай ходит на работ до последний ден. А люди ви, Степанов, ошен жаксы, народ вам будит помагат. А с комендант я сам...

Так и пролетело над аулом обыкновенной воробьиной стайкой короткое для здешних мест лето. Точнее говоря, короткое для всех окружающих, а для самих Степановых каждый прожитый день оказался чуть ли не маленьким подвигом. Надо ведь было так жить и работать, чтобы никто пока и словом не мог обмолвиться об их ситуации. Вот и приходилось Анастасии всячески прятать свое положение в подаренном Ардаком широченном вельветовом сарафане, да и не выказывать при этом все чаще подступающих к черву болей своих.

С подобным самочувствием отправилась она на колхозные овощные плантации и в это обычное утро. Поднимающееся над голубым горизонтом ласковое солнце

постепенно высветило все шесть помидорных рядков почти стометровой длины, за которыми закреплена Степнова, стало торопливо отогревать остывшую за августовскую ночь землю. Анастасия даже подумала: "Вот ведь как все ладом начинацца, боженька мне даже погодкой пособлять, свою норму по окушиванию нонче точно перекрою"...

Встала "крюкой", прошлась рыхлюшкой не разгибаясь одну десятиметровку, другую, третью. А солнышко вместе с землей тоже не топчутся на месте, тоже знают свою работу. Все вокруг распарилось, разомлелось. Анастасия стерла концом ситцевого платка пот с побледневшего лица, с хрустом в пояснице выпрямилась, обвела взглядом небо и чуть не ахнула. С северного горизонта на нее уже надвигалась большущая черная туча. Охнула и снова принялась за работу. Только бы успеть, справиться с нормой до дождя.

Слегка задубевшая после предыдущего полива почва стала все труднее поддаваться рыхлению, требовала повышенных усилий женщины. А ее силы наоборот — пошли на убыль. Но это не устраивало намерений Анастасии, и она начала работать еще самозабвеннее, уже не поглядывая на своих соседок. Они же постепенно ушли вперед, незаметно для себя оставив вконец уставшую, но до настырности гордую Степнову. Она склонилась к очередному помидорному корню, и словно оказалась под покровом ярко-звездной ночи. В глазах так зарябило этими звездочками, что женщина потеряла равновесие и медленно опустилась на прогретую еще обдающим ее своими преддождевыми бликами солнышком землю. Анастасия обхватила руками потяжелевший до боли живот и уже в полубреду прошептала:

— О, Господь правый, помоги же мне до конца вынести муки енти... не пагуби дитятку—то, не пагуби, тебе прошу я, Боже...

Еще недавно улыбочиво-голубое небо словно спряталось за какой-то огромной черной занавеской. Ветер поднял и закружил в воздухе тяжелое облако пыли. Все загромыхало, и над лежащей в высоком помидорном междурядье женщиной засверкала необычайно яркая молния. Как будто предназначалась для освещения ее всего труднейшего пути в неизвестное. Но она ничего этого уже не видела, а только выстывала все те же свои материнские просьбы к Всевышнему...

И он точно смилостивился над ней, прислушался к ее причитаниям. Когда огородные плантации снова озарила молния, проезжавшие мимо бригадир Ардак и степновская соседка по спаренному дому баба Федора обратили внимание на зашевелившийся в междурядье предмет. Остановились. Молния повторила предыдущую картину еще и еще. А когда начал накрапывать дождь, из кустов раздался протяжный женский стон.

"Неужел ето наш Настя?" – подумал бригадир и быстро спрыгнул с телеги. Едва поспевая за ним, словно покатила колобком и не по возрасту крепкая еще бабка.

– Отвороть глазища-то! – крикнула она бригадиру, который также склонился над стиснувшей покусанные от боли губы Степновой.

– Мен казыр пельдшер, – быстро сориентировался он.

– Да хдеш ты яе визьмеш фельшерицу-то, она сама сигодни никуды ны гожая, – почти прошептала, проворно делая растительный шалаш, умудренная жизнью бабуля. – И дюже позненько вже, миллок Аркаша. Ты лушше ташшы все тряпье, како в телеге имецца. Белую мешковynu тож ны жалий... Да посуше-то, посуше!

Бригадир уже сделал, было, шаг и оторопело остановился, словно конь перед волчьей стаей. Облизал пересохшие от волнения губы и точно похмельно-хриплым голосом едва сбивчиво вымолвил:

– Ра-а-жат ...бу-бу-деш прама ... поле?...

– А куды, миллок, диньсыя... Ташшы тряпье, гаварю тебе! И водыци теплынькой из флягы...

– Ти же жок фрач! – вручая Федоре большую, завернутую в брезентовый полог, охапку фуфак, – все еще выказывал свое удивление и сомнение бригадир.

– Знаш яких три дила должон сробить за свою жысть чоловик? Правильне: посадить дэрево, построить хату и воспытать дытя. А я бы добавыла для сельской бабы и дило чэтвэртэ: хоть раз прынять роды, – улыбнулась она, затем вздохнула и уже на полном серьезе командовала: – А топерича, миллок, дуй отсэль подале, не мужицке это дило...

Едва Ардак дошел до телеги, как тишину почти безлюдного поля нарушило надрывное "У-а-а!" Он слегка даже вздрогнул, машинально оглянулся, но вспомнил бабкин наказ "Не мужицке это дило...". И тем не менее

сердце его словно наполнилось дополнительным кровавым притоком гордости за прямую причастность к такому важнейшему в жизни человека моменту. Затем эта самая гордость сменилась учащенной пульсирующей тревогой. Тревоги за ранимо-совестливую Анастасию, за ее новорожденного, за так боявшегося этого события безотказного трудяду Степана. И вообще за переселенцев Степновых.

Не тревожился бригадир сейчас только за себя. И не потому, что был излишне самоуверенным и ничего, никого не боялся. Он с первого дня понимал, что скрытый им от коменданта-самодура факт беременности все равно когда-нибудь выстрелит наподобие литературного "ружья на стене". Понимал, но поступиться совестью своей, национальной гордостью не мог. Да и вовсе не хотел! "Какая же мен казах, — думал он, — есл ми стих люди ешо вчера с хлеб-сол принял, а казыр должна их же продат".

Но бригадирские доводы оказались-таки тем самым "ружьем", которому суждено было выстрелить. И прозвучал этот "выстрел" неожиданно, точнее говоря — в Ардака "послали пулю", начиненную совсем другой аргументацией. Разъяренный "половой распущенностью контингента" комендант, обвинил бригадира в совсем ином — в плохом знании русского языка, помешавшем ему в убеждении переселенцев, и разжаловал его за этот "проступок" в старшего кучера. В старшего — к тому же Степнову: дескать, пусть и будет ближе к семье, которой так "помог своим законопослушанием"...

Одни восприняли это решение с недоумением, другие — со скрытым злорадством: мол, так тебе и надо, начальник полуграмотный. Больше и глубже всех понимал создавшуюся ситуацию, конечно же, сам Ардак. Он-то прекрасно знал, что не в языке закавыка. Хотя и сама надуманность формулировки вызвала в нем тоже негодование. Говорить на языке своей родной земли — разве это ущербно? Даже плохо владея языком другим, сохранение материнского должно быть величайшим достоинством человека!

Поэтому он и отнес столь сурово адресованный ему упрек к разряду чиновничьих уловок и окончательно понял: причина все же одна — прецедент Степновых. Внимание этого как бы и придало ему сил, подбодрило.

Закладывая в сундук отработавшую на нем начальственную костюмную атрибутику, он с легкой иронией прошептал:

– Мен кеттым, бала келим...

Действительно, звучит философски: я ушел, а мальчик пришел. Но вот какой ценой пришел в эту жизнь, пришел для чего, каким стать, чем отплатить за свое столь мучительное для окружающих рождение? Ничего этого Ардак, как пострадавшая сторона, не знал. Да и узнает ли вообще.

Сейчас он просто собирается на новую работу – с кнутом да на телегу, чтобы подменить уставшего за 14 часов трудовонства Степана Степнова. Того самого, который тоже понимает всю нелепость положения, но ничегошеньки сделать не может. Кроме единственно понятного для простого мужика – неуклюже тронуть за плечо и стыдливо пробормотать короткое "прости". Не столько за себя, как за власть народно-инородную, за ее бездушный режим.

Глава 3. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВОРИШКА

Такой разъяренной свою мамулю семилетний парнишка еще не видел. По обыкновению очень ласковая к нему Анастасия на этот раз не вошла в избу, а ровно бабой-ягой на метле влетела. Не глянув даже на своего рыжеволосого "скелетика", она с каким-то ужасом в глазах уже с порога почти закричала:

– Енто ты яички, гаденыш сапливый, слямзил?!

– Какие? – испуганно обернулся на мать, выгребая золу из печки, малец.

– Куринны, поганец, куринны... То же был наш продиалог... За цильный місяц! Усе сля-я-ямзил...

– Не лямзил я, – едва успел произнести приподнявшийся с корточек семейный последыш, как длинная ракетная розга со свистом и обжигающе полоснула его костлявенькую в веснушках спину, затем ниже, еще ниже... Он весь напрягся, скорчился от боли и, суетливо

прикрывая чумазыми ручонками свою в залатанных штанишках попу, хотел уже было что-то сказать сквозь слезы, но хрипловато прозвучало:

– На колены! Да поближе к образу божьему, моли ево о прош-ш-шени-и-и, – уже сама иссякающим голосом почти пропела Степнова и захлопнула за мальчонкой перекосившуюся от своей древности дверь.

Он опустил на глиноземный пол и почти мгновенно почувствовал, что его протертые на коленках штаны на этот раз ему спасением не станут...

Подобную меру наказания к нему применяли дома и раньше. Первый раз – когда он, пятилетний клоп, потерял во время неожиданно нахлынувшего дождя сразу нескольких таких же, как и сам, желторотых цыплят. Второе "коленостояние" получил за то, что опоздал утром выгнать корову в общее стадо, и она простояла весь день на домашнем сене. Недавно же, казалось бы, уже достаточно набивший шишек мальчишка снова "проштрафился". Мать оставила на плите недоваренный суп, строго-настрого наказала ему проследить и по готовности снять кастрюлю. И он ее снял. Но только после того, как она оказалась до дна выкипевшей, в самый канун возвращения Анастасии с работы... Заигрался в чижики-пыжики, за что и потер своими коленками так знакомый ему деревенский пол.

...Сегодня же он оказался куда жестче обычного. Едва Вовка коснулся его своими торчащими из протертых холщевых штанишек коленками, как остро почувствовал что-то непривычное. Нет, не холод покрытой замешанным на глине жидким коровяком земли. Это он уже не только многократно "проходил", но и не единожды сам проделывал собственными ручонками. Да что там ручонками! Бывало, получит предвоскресное задание матери обновить пол и, стараясь как можно быстрее его выполнить, вымажется в этом темно-желтом дерме до самых глаз. Радовало его при этом только то, что он имел возможность потолще сделать покрытие того самого места, на котором и приходилось периодически отмаливать свои детские прегрешения.

Но и даже такое, как ему казалось, утолщение полового покрытия не облегчило начавшегося вот сейчас страдания мальчища. Его коленки почувствовали: словно коснулись обмытой холодным дождем и выщерблен-

ной многолюдьем единственной в селе щепочной дорожки, которую выложили по указанию нового председателя артели к его приземистой, как и сами избы, конторе. Особенно больно кольнуло в костлявые коленные чашечки, едва прикрытые почти прозрачной с синевой кожей. Вовка глянул и – словно страшинка пробежала по всему его тельцу: под ногами увидел рассыпанные тонким слоем мелко-пшеничные отходы вперемешку с крупницами поваренной соли, комок которой он только вчера отнес в сарай для коровы с теленком. "Им-то, – подумал он, – она нужна для восполнения каких-то утраченных за зиму витаминов. Но мне-то зачем?"

Мальчишка поднял голову, и его взгляд привлек старинный, уже в мелких черных трещинках, деревянный крест с распятием Христа. Он поставлен Анастасией на этот покрытый до желтизны потертой клеенкой стол именно после его, Вовкиного, столь необычного появления на свет. И с тех пор мать регулярно стала подходить к этому месту со словами земной благодарности за тот счастливый исход в огородном поле. Он же стоял сейчас перед этим Божьим распятием вовсе не с благодарностью за "содеянное", а с повинением за преступления свои. Точнее говоря, за грешок вчерашний...

Он до мельчайших подробностей восстановил в своей памяти этот день и особенно все, что хоть как-то связано с его сегодняшним наказанием. Периодически перенося вес своего тела с одного колена на другое, чтобы давать им хотя бы малейшую возможность снимать остроту колющей их боли, Степнов с содроганием вспомнил мальчишеские сборы на здешнее "озеро" типа котлована. Нынешний сезон купания в нем благодаря рано установившейся погоде они решили открыть раньше обычного, а потому и собраться всей прошлогодней "компашкой". Зашел под обед он к одному приятелю, затем к другому – никаких возражений. Все они тоже уже управились по домашнему хозяйству и с радостью приняли предложение маленького организатора.

Но когда до резвости веселые и возбужденные, они вбежали в полуразваленную Петькину хату – тем же смехом и поперхнулись. В сыроватом, нестопленном помещении мальчонка их встретил с лицом, скорее всего похожим на бледно-синеватую золу, в которую превращаются только что сгоревшие дрова. Еще недавно за-

дорно шлепавший с ними по весенним лужам—"речкам" краснощекий кандидат в первоклашки, он теперь скорченно лежал на деревянном топчане, укрывшись материнской латанной-перелатанной фуфайкой. И – тишина. Бездыханная тишина.

Первым нарушил ее своим почти пересохшим от легкого испуга голосом Вовка:

– Слышь!... Петька!... Что случилось-то?...

В ответ – все та же тишина. Ребята тревожно прижались друг к другу и словно уперлись взглядом в неподвижно лежащего с закрытыми глазами так знакомого для них человечка. Степнов тихо, подобно сестре милосердия, приблизился к товарищу, дотронулся кончиками пальцев до его разгоряченного лба и понял, что он в жару. По едва заметному шевелению пересохших губ догадался: просит больной попить. Распорядился принести, а сам наклонился к Петьке.

– Что с тобой? – укрывая его выбившуюся из-под стеганки ногу, прошептал он. – Мы же купаться собрались...

– Да...Ну...Го-о-орло больно спе-е-ерло, – почти бесильно промямлил тот. – Уже, кажись, пятый денек пошел...

– А тетя Аня где?! – перебил его Вовка.

Петька как-то даже сжался, словно ежик в ожидании нападения, и замолчал. По всему было видно, что эта тема ему сейчас не по духу. Потом все-таки решился и ответил:

–А мамка на Украину отъехала, тамо помер ее брательник кровный...

Опять замолчал, с болью глотнул не весть откуда взявшуюся у него слюну и хрипловато выдохнул. Затем приоткрыл слипшиеся рыжие ресницы и с несвойственной ему робостью прошептал:

–Вов..., а-а-а...хоть ко-о-орочку бы... Давно ничего во рту...

Петька стыдливо закрылся исхудалыми за эти дни ручонками, как плетями, опять сглотнул остаток слюны и устало прикрыл глаза. Дрогнувшие при этом веки, словно маленькие жернова, невольно выдавили из его и так уже донельзя обезвоженного организма по паре небольших слезинок. Они малость постояли, точно в раздумье глубокоом, а потом в плавном бессилии попол-

зли мимо щек к затерявшимся в слитке нестриженных волос ушам.

Вовке так жалко стало друга, что он тоже едва не заплакал. Удержался только благодаря присутствию ребят. Глянул на них исподлобья и, осознанно пользуясь своим возрастным, всего в несколько месяцев, но все-таки превосходством, категорично подумал: "Нет, надо Петьке подсобить. И немедленно!" Это почти мужское, как ему показалось, решение пришло, скорее всего, от собственного острого понимания чувства голода и холода.

— Значится так, — по-степеновски хлопнул в ладоши и столь же по-отцовски попробовал скомандовать Вовка. — Ты бери вон щепки и растапливай плиту, ты беги и насобирай для топки кизяку, а я...

Он заботливо почесался в своем коротеньком чубчике и на мгновение задумался. Не о том, конечно, что вот это его "а я" и есть то самое главное, которое сейчас так позарез необходимо захворавшему другу. А о том, как же лучше и быстрее все это сделать. "Ну, позвать фельдшерицу — дело будет минутным, — подумал он, — забегу прямо по дороге-то. А вот накормить Петруху"... Он случайно глянул в окно, за которым поковыляла с авоськой к сельмагу принимавшая его на свет божий бабка Федора, и шальная мыслишка посетила озабоченную головушку. Еще раз прикинул, подморгнул опять открывшему глаза Петьке и что есть мочи кинулся огородами да окольными тропками на соседнюю улочку, домой.

Дверь оказалась прикрытой, как здесь посмеиваются, "только от своих". Поскольку воров в округе пока не водилось, то и запирается на засовы считается чуть ли ни придурью барской. Так что прятать пожитки — достаточно и простой бечевки, от которой сейчас Степнов-младший как раз и начал освобождать дверные гвозди-кольца. Неполная минута — и входил. Парнишка шмыгнул в чернеющий просм, завернул в сарай и первым делом кинулся ревизировать куринный "урожай". Одно еще теплое яйцо, другое, третье... "Маловатенько что-то вы принесли, дармоедки наши рябые", — подумал он и забежал в маленькую холодную, как тюремный карцер, кладовку. С трудом зажег отсыревшими на пристенной полочке спичками свечу-выручалочку.

ку, заглянул в большой, с широкой горловиной, уже надтреснувший от древности глиняный кувшин и улыбнулся. От первой же мысли о том, что вот теперь ему этих столь необходимых яичек вполне будет достаточно. Тут же взял выглядывающую из еще ходового тряпья более-менее чистую оконную шторку и осторожно выложил на нее содержимое своей кепчонки и кувшина. Затем деловито пересчитал "добычу" и, привычно прищелкнув языком, связал все это в крепкий узелок.

Таким же способом закрыл за собой входную дверь, огляделся маленько вокруг и спешно, чтобы меньше привлекать к себе внимания, направился к сельмагу. Подойдя же к этому квадратному, с большими решетчатыми окнами зданию, смекнул: надо бы остороженько поглядеть в окошко, чтобы никого постороннего там не оказалось. И не ошибся. У деревянного, обитого сверху жестью, прилавка как раз отоваривалась его крестная бабка Федора.

– Видать много яик сдала, – прошептал самому себе Степнов-младший. – Коли каждое на кулачный кусок тянет, то на мой десяток одного сахара можно набрать на месяц...

Едва бабуля, зацепив тросточкой за каменный фундамент магазина, проковыляла за его угол, мальчишка юркнул к высокому, едва не достающему до подбородка, прилавку. Его грузный хозяин с довольно редкой славянской фамилией Луциан, но почему-то подчеркнуто произносящий ее с ударением на "ян", привычно шмыгнув носом с одновременным подтягиванием брючного пояса и профессионально глянул на маленького клиента:

–А тебе чаво, Степанов наследник?

–Да во-о-от, – не очень уверенно положил на потертый прилавок свой узелок юный покупатель.

–Щас пог-г-глядим, – делая логическое ударение на своем специфическом "гэ", стал листать магазинный талмуд хитровато улыбающийся продавец. – Шош, продналог за пришлый мисяць ваша семейка, кажись, закрыла... Да-да, можешь менять, ежели мамка только дозволила... На шо же будемо?..

Парнишка молниеносным взглядом пробежал по скудным товарным полкам потребкооперации и мысленно